

Пролог

Город Ольгино N-ской области. Наши дни

Директор Ольгинского краеведческого музея Родина Елена Сергеевна распахнула двери выставочного зала, впуская группу школьников. Ребятишки, галдя и толкаясь, ввалились в помещение и растеклись по нему, чтобы рассмотреть экспонаты. Мальчиков больше всего интересовали ружья, девочек — веера, гребни, сумочки и прочие дамские мелочи, аккуратно разложенные на дне старинного сундучка. Дождавшись, когда дети немного удовлетворят свое любопытство, Елена Сергеевна громко хлопнула в ладоши, привлекая к себе внимание. Как только мордашки повернулись в ее сторону, она заговорила:

— А теперь, ребята, посмотрите на портрет. — Елена Сергеевна указала рукой на картину, висящую на стене. На ней был изображен тучный бородатый мужчина в парадном сюртуке и при ордене. — Это Федор Григорьевич Егоров. Известный в прошлом фабрикант. Миллионер и меценат. Именно ему когда-то принадлежал этот дом. Здесь у Федора Григорьевича была дача...

Ребятишки без особого интереса посмотрели на картину. От Елены Сергеевны не укрылось это равнодушие, но она все равно продолжила рассказ:

— Федор Григорьевич, ребята, гордость нашего края! Благодаря ему Ольгино из захолустного посел-

ка превратился в город с развитой промышленностью. Ведь именно он построил обе мельницы, на которых сейчас трудятся ваши родители... — Она перешла от портрета к окну, из которого открывался дивный вид на реку. — И церковь, — Елена Сергеевна указала на сверкающий в солнечном свете купол, — тоже на деньги Егорова возведена. А еще больница, столовая, школа. И это только в нашем городе! По области же насчитывается около двух десятков зданий...

Ее страстную речь неожиданно прервала худенькая белобрысая девчушка. Широко распахнув голубые глаза, она с любопытством пискнула:

— А правда, что он своим любовницам дома дарил?

— Что? — опешила Елена Сергеевна.

— Мне бабушка говорила, что улицу Первомайскую раньше улицей Любви называли. Потому что Егоров на ней своих бывших любовниц селил...

Услышав это заявление, мальчишки захихикали, а девочки все как одна воззрились на портрет Егорова — теперь в их взглядах читалась явная заинтересованность.

— Федор Григорьевич помогал своим работницам... — проговорила растерянная и немного смущенная Елена Сергеевна. — Приданое давал. От широты души.

— А еще бабушка говорила, — не унималась девочка, — что у Егорова было пять жен. И все они померли молодыми...

— Только три. Пятерых ему бы не позволила иметь церковь...

— И че, правда все померли? — подключился к беседе конопатый мальчишка, со вкусом жующий шоколадное печенье в яркой обертке.

Роднина беспомощно посмотрела на сопровождающую ребят учительницу. Она не могла понять, почему их волнует лишь грязное белье Егорова, а до его свершений, его личности им нет никакого дела.

— Не померли, а умерли, — поправила мальчика учительница. А потом, заметив растерянный взгляд Елены Сергеевны, решила помочь ей, сменив тему.

— Я слышала, Егоров в этом доме принимал министра финансов графа Х.? — спросила она. — Это правда?

— Да. Граф был приглашен губернатором на открытие Промышленной ярмарки. Но по дороге из Москвы в Н-ск сделал остановку в Ольгино. Он очень уважал Федора Григорьевича. И именно он выхлопотал для него звание коммерции советника...

Елена Сергеевна хотела еще упомянуть об ордене, врученном Егорову самим императором, но тут белобрысяя всезнайка опять подала голос:

— А от чего его жены померли... то есть умерли?

— Ира, перестань! — прикрикнула на нее учительница. — Это вам не ток-шоу «Пусть говорят!»! Это лекция по краеведению...

Девочка надула губы и отошла в дальний конец зала. И только Елена Сергеевна собралась продолжить рассказ, как до нее донесся возбужденный Ирин возглас:

— А вот портреты его жен! Смотрите!

Дети ринулись на зов. Даже мальчики не остались в стороне — подлетели к портретам (увеличенным и вставленным под стекло фотографиям) и начали внимательно их разглядывать.

— Первая страшная, — поделился своими наблюдениями мальчик с печеньем. — Вторая ничего. А третья просто супер! На какую-то артистку похожа... — Он вытер перепачканный шоколадом рот рукавом и добавил: — И че она за этого старика замуж пошла?

— Из-за денег, — поделилась своими богатыми знаниями Ира. — Мне бабушка рассказывала, что она бедной была, а Егоров миллионер. Вот она за него и вышла.

— А когда сам Егоров умер? — спросил кто-то из ребят, но не у Елены Сергеевны, а у всезнающей одноклассницы.

— В революцию погиб. Его взбунтовавшиеся рабочие убили.

— Его убили мародеры! — гневно воскликнула Роднина. — Пьяные ублюдки! Они ворвались в этот дом, чтобы грабить... Федор Григорьевич попытался дать им отпор, но кто-то ударил его сзади по голове обухом топора! Этот удар был смертельным... — Она перевела дыхание и тихо закончила: — Тело Егорова обнаружили только два дня спустя. И спешно захоронили его на ольгинском кладбище, не поставив на могиле даже креста...

— Но теперь на ней очень красивый мраморный памятник, — включилась в разговор учительница. — И все благодаря Елене Сергеевне, которая в течение пяти лет выбивала деньги у администрации...

— А тех отмороzków, что Егорова порешили, посадили? — живо поинтересовался хулиганистого вида мальчишка, до сего момента не проявлявший интереса к теме обсуждения.

— Нет. Свершив свое черное дело и вытащив из дома все, что можно, они сбежали. А так как в то время была страшная неразбериха — революция, сами понимаете, смена власти, — то они легко затерялись на просторах страны! Да и не искали их особо. Не до того было...

Тут ее рассказ опять был прерван звонким девчачьим голоском.

— А почему у двух первых жен поставлена дата смерти, а у третьей нет? — спросила пухленькая девочка, стоявшая все это время под портретами. — Она что, еще жива?

— Вряд ли. Скорее всего, ее убили в тот же день, что и Егорова. Дело в том, что она тоже была в доме, когда бандиты ворвались в него... Но труп Федора Григорьевича был обнаружен, а ее нет! Поэтому точная дата смерти Арины Алексеевны Егоровой не известна...

— И куда ее труп делся?

— Скорее всего, молодую женщину похитили — увели с собой, а только потом убили...

— Похитили, чтобы изнасиловать, понятно, — со знанием дела изрекла толстушка.

Услышав сие заявление из уст второклассницы, Елена Сергеевна покраснела и растерянно замолчала. Мальчишки вновь захихикали, а девочки с пониманием закивали. Тут на передний план выступила Ирочка и открыла свой маленький ротик, чтобы выдать очередной сногсшибательный факт, поведенный бабушкой, но учительница, которой надо было поскорее бежать домой, чтобы кормить мужа обедом, решительно командовала:

— А теперь, ребята, быстро переходим в другой зал. Там чучела животных. Лис, волков и даже лося.

Это заявление произвело фурор, мгновенно вытеснив из детских голов мысли о Егорове и его женах. Даже не обернувшись на картины, так их интересовавшие еще минуту назад, ребяташки хлынули в другой зал. И только конопатый мальчик все стоял у портрета Арины Егоровой, пытаясь вспомнить, на кого она похожа...

Не вспомнил. Как ни старался.

Тяжко вздохнув, мальчишка закинул в рот последнее печенье (диковинное, привезенное родственниками из-за границы), быстро прожевал его, а яркую обертку скомкал и воровато швырнул за какую-то статую полуголой тетки с вазой в руке. После этого он присоединился к своим одноклассникам, очень надеясь, что директриса не заметит брошенного им мусора.

Она и не заметила. Как и никто другой, кроме уборщицы тети Вали, которая вечером, ругаясь и охая, выметала обертку из угла. Перед тем как бросить бумажку в мусор, она развернула ее, чтобы посмотреть, что за вкуснятину едят нынешние школьники — ей, больной пенсионерке, доходов хватало только на лекарства

и самые дешевые продукты по акции. Разгладив глянцевою упаковку, тетя Валя обнаружила, что детишки нынче лакомятся импортным печеньем, облитым шоколадной глазурью. Эти самые печенки и были изображены на обертке. Прямо под портретом какой-то красивой барышни в старинном одеянии и надписью на английском, которую тетя Валя с горем пополам прочла («Lucky»), но не смогла перевести. Однако она поняла, что так называется фирма, производящая чудо-печенье, а ретродевушка является ее лицом. Только она почему-то совсем на иностранку не походила. Больше на русскую... Причем конкретную русскую... Артистку, что ли?

Так и не вспомнив, кого ей напомнила девушка с обертки, тетя Валя швырнула мусор в мешок и, взвалив его на плечо, побрела к двери. Но всю дорогу бубнила про себя: «Где же я ее видела? Ну где?» Ответ тетя Валя могла получить тут же — если бы хоть раз обернулась. Ибо на стене, где были развешаны изображения егоровских жен, имелся в точности такой портрет, какой она совсем недавно видела на обертке печенья.

Арина Алексеевна Егорова, последняя жена Федора, пропавшая без вести в 1917 году, вот кто был лицом американской фирмы «Lucky», производящей разнообразные мучные изделия, в том числе печенье всевозможных сортов. И самым популярным ее продуктом был тот, который с таким удовольствием ел конопатый мальчик: «Lucky Arina» — «Счастливая Арина».

Часть первая

АРИНА (1889–1910)

Глава 1

Стоял май. Тот чудный солнечный месяц, когда листва брызжет сочной зеленью, сады утопают в цвету, а небо чистое, словно родниковая вода.

Арина сидела на широком подоконнике и с высоты третьего этажа наблюдала за жизнью на набережной. Было воскресенье, и люди, нарядные и веселые, гуляли по улице, катались в открытых экипажах, ели мороженое господина Кука, американца, державшего по соседству кондитерскую. Особенно Арине нравилось разглядывать наряды дам и отмечать при этом, что платье, в которое ее сегодня нарядили, нисколько не хуже, чем у них. Она спрыгнула с подоконника и подбежала к большому зеркалу, висящему на стене. Оттуда на нее смотрела хорошенькая девчужка с золотыми локонами и смеющимися серыми глазами, одетая в чудное голубое платье из шифона — узкое до талии и пышное от нее. Из-под подола выглядывали кружевные панталончики, носочки были белыми, а туфельки, заказанные в самом Париже, синими. В волосах, забранных в два хвоста, красовались искусственные незабудки.

Арина залиvisto рассмеялась и бросилась к противоположному окну. Вид из него был еще интереснее: по Волге, величественной и неторопливой, плыли грузовые суда, тяжелые баржи, небольшие прогулочные катера, на берегу стоял древний кремль, а на холме,

там, где река делала изгиб, возвышалась белокаменная Рождественская церковь, построенная еще при деде Арины.

В этот дивный ясный день Арине исполнилось шесть. Ее нарядили, немного покормили... Чуть-чуть, чтобы не испортился аппетит... И позволили подождать папу в ее любимой бальной зале. Почему девочке так нравилось именно это помещение, не знал никто, кроме отца, которому Арина под страшным секретом призналась. Кроме широких подоконников, с которых можно наблюдать жизнь города, в зале было множество зеркал в золотых рамах, картин, огромных напольных ваз, а еще мраморный пол, лепной потолок и гигантская хрустальная люстра, вся переливающаяся даже будучи незажженной. И все это великолепие напоминало девочке о дворце сказочного короля, в котором она никогда не была, но мечтала оказаться. Стоило ей остаться одной в комнате, как она, напевая себе под нос, начинала вальсировать по залу, останавливаясь у зеркал и представляя, как будет танцевать, когда вырастет, на балу у императора. Вот и сейчас, не выдержав, она зажала подол своего платья в ладошки и закружилась под звуки вальса, доносящиеся с улицы через открытую балконную дверь.

Чудное-чудное утро! Она обожала дни своего рождения не только потому, что ее наряжали в лучшие платья и заказывали у господина Кука гигантский торт с лебедями, но и потому, что этот день папа посвящал только ей. Обычно они выходили из особняка после торжественного обеда, который давали в их доме по случаю праздника, немного шли пешком, потом садились в коляску, запряженную неизменно тройкой белых коней, не спеша ехали по набережной — при этом все смотрели на них: кто-то здоровался, кто-то просто улыбался, — и махали прохожим, а вволю накатавшись, заворачивали в сторону парка и там выходили, садились на лавочку около фонтана и кормили

голубей. Каждый раз после того, как этот чудесный день заканчивался, Арина с замиранием сердца начинала мечтать о следующем. Сегодня же все было еще впереди, и девочка, сгорая от нетерпения, ожидала момента, когда папочка пригласит ее к гостям, перед которыми она должна присесть в реверансе и сказать «добрый день», а после, примерно через полчаса, они отправятся на прогулку.

Арина отложила сумочку с хлебом для голубей, которую ей приготовила няня, расправила платье и степенно села. Теперь она взрослая — ей шесть! Надо учиться себя вести, ведь скоро она станет девушкой и ей придется искать себе мужа, а невоспитанным дамочкам хорошие мужчины не достаются. Так говорила няня, и ей Арина верила.

На лестнице раздались шаги. Девочка решила, что это за ней послана горничная, дабы отвести к гостям, и приосанилась еще больше.

Дверь отворилась. В комнату вошел папа в сопровождении неизвестной женщины в строгом сером платье.

— Папочка! — взвизгнула Арина, тут же забыв о том, что стала степенной дамой.

— Детка, — отец ласково чмокнул дочь в лобик и представил: — Познакомься. Мадам Фурше, твоя гувернантка.

— Добрый день. — Арина отдала дань вежливости и даже присела в реверансе, но была недовольна тем, что папа испортил такой прекрасный день. Она знала, что скоро придет какая-то француженка обучать ее наукам и манерам, но не думала, что это случится так скоро.

— Здагствуй, — прогнусила мадам и улыбнулась. Арина, которой новая знакомая сначала совсем не понравилась, сменила гнев на милость, увидев, как задорно блестят глаза у женщины, когда она улыбается.

— Мы пойдем к гостям? — нетерпеливо спросила девочка, ей так хотелось вырваться поскорее на улицу.

— Нет. Сегодня особенный день. У меня для тебя сюрприз.

Арина испуганно отстранилась; ей подумалось, что гувернантку привели неспроста и что раз теперь она взрослая, ей не позволят кататься в коляске и кормить голубей, заставят зубрить математику и французский.

— Мадам Фурше, можно я начну учиться завтра? А сегодня...

— Дедка, занимайтесь мы начнем с понедельника. А сейчас развлекайтесь, — мадам блеснула на прощание мелкими зубами и вышла. Арина с папой остались вдвоем.

— Твои гости ушли?

— Нет, они ждут нас внизу, в саду.

— Они едут с нами? — Арина не сдержала разочарования — им никогда еще не мешали посторонние в день ее рождения.

— И да, и нет. Я сказал, что у меня для тебя сюрприз, и мои друзья помогли его подготовить. Пошли.

— Хлебушек брать? — Любопытство взяло верх, и Арина, которая сначала хотела закапризничать и настоять на путешествии вдвоем, послушно последовала за отцом.

— Возьми, если хочешь. Голубей и там предостаточно.

Они спустились по мраморным ступеням, держась за руки. В холле было светло из-за врывающихся в окна и распахнутую дверь солнечных лучей, которые не только озаряли мраморный пол и белые стены, но и играли на позолоте люстр и ручек. Арина, очень гордая оттого, что идет с таким нарядным и красивым господином, как папа, и еще больше оттого, что он и его серьезные друзья специально для нее приготовили сюрприз, прошагала к выходу.

У ворот их ждал экипаж, запряженный, как всегда, тройкой белоснежных лошадок. Чуть поодаль стояло еще несколько, правда не таких нарядных, и в них сидели важные господа со своими женами — уезжающие гости. Увидев именинницу, мужчины приветственно сняли шляпы, а дамы закивали и засюсюкали. Арина громко со всеми поздоровалась, залезла, не без папиной помощи, в коляску и велела кучеру трогать.

Процессия отправилась. Ехали недолго. Арина даже не успела насладиться зрелищем бурлящей набережной, но заметила, что сегодня людей непривычно много и все они слишком возбуждены и приодеты, даже для воскресенья. К тому же самоходных экипажей, которых в городе было не так уж много, попадалось больше, чем обычно.

— Ты заметила, что сегодня все веселятся? — Папа наклонился к самому уху дочери, ибо из-за шума проносящихся мимо экипажей было ничего не слышно.

— А почему?

— Потому, что на подарок, который я приготовил для тебя, придет смотреть весь город.

— Но ведь он для меня. Значит, мой. А не ихний. — Арина надула губки. Лучше бы они поехали кормить голубей.

— Не ихний, а их. Потом, ты же большая, ты должна понимать, что если даже подарок предназначается тебе, это не значит, что другие не могут им пользоваться.

— Как это?

— Вот, например, торт, который мистер Кук тебе дарит, ты же его не съешь одна, правильно?

— Я им угощу тебя, няню, ребят, даже Глашу, которая мои платица стирает.

— Правильно.

— Но торт я одна просто не съем, я лопну, а вот тувфельки, которые ты мне подарил, — она подняла ногу, — я никому не дам. Они же мои.

— Верно, детка. Но на пять лет какой ты получила подарок?

— Лодочку, — вспомнила Арина и тут же захотела опять на ней покататься, но, чтобы это сделать, надо было ехать в деревню.

— И ты на ней катала и меня, и няню, и ребятишек деревенских.

— Лодочка большая. В ней для всех места хватит.

— Вот. А то, что я приготовил сегодня для тебя, такое большое, что в нем поместится...

— Целый город? — у Арины возбужденно заблестели глаза.

— Целый не поместится, но пятьдесят человек запросто. А потом еще столько же. И еще сколько захочешь.

— Это пароход?

— Нет. Это сюрприз. — Папа дернул Арину за нос и прибавил: — Потерпи, почти приехали.

Арина обреченно вздохнула и притихла. Народу стало еще больше, а чем дальше они продвигались к центру города, тем многолюднее становилось. На столбах висели плакаты, на которых разноцветными буквами было что-то написано, но именинница не знала — что, она пока не умела читать. Кругом сновали наряженные в скоморошьи костюмы лотошники, бегали дяди с тяжелыми фотоаппаратами, то здесь, то там раздавалось пение под гармонь. Словом, суета стояла невообразимая.

Когда главная кремлевская башня показалась из-за холма, процессия остановилась. Все вышли. К ним тут же подбежал полицмейстер с пышными усами и отрапортовал папе, что все к торжеству готово. Арина, правда, не до конца поняла, к какому, но виду не подавала и важно прошествовала за молодым полицейским, которому поручили препроводить девочку к ее месту.

Главная площадь была запружена людьми. В центре ее стоял небольшой помост, вокруг него несколь-

ко рядов лавок, на которых уже разместились важные господа и дамы, все остальные стояли, тесно прижавшись друг к другу и норовя вырваться вперед, поближе к полицейскому оцеплению. Арину разместили в первом ряду, и она отметила, что из сидящих здесь она единственный ребенок.

Забили часы на главной кремлевской башне. Все как по команде притихли и стали внимательно следить за человеком, взошедшим на помост. Арина его узнала. Это был господин Зославский, вице-губернатор и папин друг.

— Дамы и господа, сегодня знаменательное событие для нашего города, ибо именно в этот день мы приобщились к цивилизации, благодаря какому чуду техники, вы все знаете, — и он показал на транспарант, висящий над трибуной, — и говорить за это спасибо мы должны прежде всего нашему губернатору Барышникову Алексею Ананьевичу, который нашел субсидии... А впрочем, он вам сам расскажет. Ему слово!

Зославский отошел, похлопывая, а ораторское место занял стройный невысокий мужчина с вьющимися русыми волосами. Он показался Арине здесь самым красивым. Потому что это был ее папа.

— Господа. Спасибо за аплодисменты. Отдельная благодарность моему заместителю. Как я нашел субсидии, я вам рассказывать не буду, это неинтересно. И вообще говорить много не стану. Скажу лишь одно. Благодарить за все вы должны мою дочь, ради которой я все это затеял. Моей девочке сегодня исполнилось шесть лет, я ее поздравляю и дарю... Аринушка, вот сюрприз, о котором я говорил. — Он показал рукой куда-то в сторону.

Толпа расступилась, но все равно Арине не было видно, поэтому она встала на лавочку, в который раз за сегодня забыв о правилах хорошего тона. Теперь перед ее взором предстали не только речной откос, крепостная стена и отряд конников, но и гудящий, та-

рахтящий, бумцающий, передвигающийся по рельсам, но без шпал, разукрашенный и завешанный гирляндами цветов поезда.

— Я дарю тебе, Арина, это чудо техники — трамвай!

Глава 2

Четыре года спустя

Был канун нового, 1900 года. В доме Барышниковых весь день царила предпраздничная суета, но к вечеру все дела были завершены. Лестницы устлали коврами, позолоченные ручки натерли до блеска, китайские вазы наполнили живыми цветами, по стенам, кроме портретов хозяев и императора, развесили гирлянды, а торт, огромный, шестиярусный, уже привезли на тройке и вкатили в дальнюю комнату, подальше от глаз.

Арина сидела, как всегда, на подоконнике и смотрела в окно. На улице было темно и морозно. Обычно многолюдная набережная теперь была пустынна, только иногда вдоль домов скользили сани, и видно было, как изо рта седоков валит пар. Желтые фонари, вокруг которых кружили снежинки, были покрыты инеем, как и деревья в саду, и ограда.

Очень приятно было, сидя в тепле, смотреть на обледенелую улицу, закутанных до носа одиноких прохожих. Арина почти слышала, как снег поскрипывает под их ногами и вжикает под полозьями саней. Из противоположного окна вид открывался гораздо интереснее, но девочка не подходила к нему. Она знала, что там с визгом и гиканьем на санках скатываются с горы детишки, но папа ее туда не пускал, потому что это было опасно — можно провалиться под лед или сломать шею. Арина все понимала, но ей хотелось хотя бы разок съехать с откоса, проскользить по льду и закончить путешествие, ткнувшись носом в огромный сугроб.

Арина посмотрела на гигантскую елку в центре комнаты, увешанную гирляндами и разноцветными шарами, которые привезли специально из Германии. Папа говорит, что у бедных детишек, которые катаются с горы, таких чудес нет, как и подарков, и бального платья. А вот у нее даже есть свой трамвай! С того памятного дня рождения прошло почти четыре года, Арина стала совсем взрослой и начала понимать, что чудо техники совсем не ее, а города, но она знала, что пуск трамвая приурочили по настоянию папочки специально к ее дню рождения. С тех пор они всегда катались на нем в ее праздник, а уже потом отправлялись в парк и делали то, что обычно.

Дверь отворилась. В комнату бесшумно вошла мадам, у которой с воспитанницей сложились прекрасные отношения.

— Догогуша, не ходиде кхуасан? — Гувернантка была приверженкой своей национальной кухни, поэтому мистер Кук, тайно влюбленный во француженку, научился печь круассаны и сдобные ванильные булочки, которые присылал ей ежедневно.

— Нет, спасибо. Я подожду торта. Говорят, он украшен не только лебедями, но и мишками, и зайцами.

— Кто поговоpился? Няня?

— Нет, сам мистер Кук. — Арина знала, что на него мадам сердиться не будет.

— Ну хогошо. Ступай переодевагца. Ского пгиедет авто.

— Я не люблю машин, там плохо пахнет.

— Зато там тепло.

— Мадам, вы делаете успехи. Ваш русский стал очень хорош.

— Лиса, а не дегочка. — Мадам Фурше приобняла воспитанницу, она ее обожала. Да и разве можно было не любить такого милого ребенка?

Арина спустилась к себе в комнату. На кровати уже был приготовлен ее праздничный наряд. На этот раз

он был серебристо-голубым. Платье из атласа, по последней французской моде, чулки, сапожки, накидка, отороченная и подбитая голубой норкой, а еще сумочка и веер из страусовых перьев. Девочка оделась, не без помощи няни, стараясь не испортить прическу, и подошла к зеркалу. За эти годы она сильно вытянулась, похудела. Но щеки оставались по-детски пухлыми и румяными. Волосы сильно отросли и теперь доходили до талии. Но сегодня их убрали в высокую прическу и украсили гребнем с камнями, папа говорил с какими, но она забыла.

Арина присела на дорожку. Поистине сегодняшний день несколько не хуже праздников ее рождения. С утра ей разрешили присутствовать при подготовке угощения, потом при уборке, она даже натерла одну золотую ручку. После обеда, устроенного в доме вице-губернатора для детей, они с мадам ездили на Нижнюю набережную, где был возведен ледяной дворец. Теперь же они с папой отправляются на балет «Щелкунчик», после которого в их доме будет бал. Арине разрешили на нем не только поприсутствовать, но и на правах хозяйки встречать гостей. Вот уж весело будет!

В дверь постучали.

— Папочка, входи.

— Моя красавица готова? — Отец, как всегда элегантно, вошел в комнату.

— Да. Но скажи, мне накидку надо будет снять в театре?

— А ты не хочешь?

— Я хочу ее вывернуть. С изнанки такой красивый мех, потом все подумают, что у меня две накидки.

— Форсунья ты моя. Делай как хочешь. Но мне кажется, что так очень красиво.

— Правда-правда?

— Я тебя когда-нибудь обманывал?

— Ну... — Арина задумалась, прикусив палец. —

Про трамвай ты немного приврал.

Отец засмеялся удивленно — как он не заметил, что его чадо уже серьезное, не по-детски развитое существо. Он взял дочь за руку, как делал обычно, и повел на улицу, к стоящему у ворот автомобилю.

В машине ехали молча. Арина думала о маме, вернее, об ее отсутствии. Как бы ей хотелось, чтобы у нее, как у всех, были оба родителя, но ее мама умерла при родах, а второй раз папа почему-то не женился. Она постоянно порывалась спросить почему, но не решалась, хотя сегодня можно бы попробовать.

Девочка с любовью посмотрела на отца. Такой красивый и добрый, наверное, пользуется большим успехом у дам. Правда, в последнее время он стал каким-то нервным и немного постарел. Арина всегда знала, что папочка далеко не юноша — ему в этом году исполнилось пятьдесят, но из-за хрупкости, гладкости румяного лица и невинности глаз ему нельзя было дать больше тридцати семи. Арина знала, что виноваты в этих изменениях не только годы, но и переживания. Хотя жили они по-прежнему весело и богато, но девочка, подслушав разговор мадам с мистером Куком, узнала, что у папочки неприятности. Они говорили о каком-то скандале и финансовом крахе — это Арина хорошо запомнила, хотя слово «финансовый» ей пришлось повторять несколько раз про себя.

Как ни странно, Алексей Ананьевич думал о том же. Даже в праздничный день он не мог выкинуть из головы горькие мысли. Ему конец! Скоро он останется без поста, без денег, без уважения. Конечно, по миру не пойдет, и должность какую-никакую дадут, но такого житья, как пару лет назад, у него уже не будет.

Родился Алексей в знатнейшей и богатейшей семье N-ска. Его отец был самым знаменитым губернатором в истории города, мать — не очень дальней родственницей самих Романовых. Их уважали, любили, им завидовали. Благосостояние семьи было непоколебимо, потому что держалось на фундаменте из золота. Деся-

ток приисков на Урале давал огромный доход, а были еще сеть антикварных магазинов, пятнадцать домов, шесть деревень, мануфактуры и много-много всего.

У Барышниковых народилось четверо детей, двое из которых умерли. Остались старший Алеша и младшенькая Мими. Жила семья в прекрасном особняке на Верхне-Волжской набережной, построенном еще отцом Анания. Дом был добротным, но скромным, и это не нравилось маленькому Леше. В то время как в их семье чрезмерная роскошь не приветствовалась, он страстно мечтал жить во дворце, таком, например, как у его школьного приятеля Рукавишникова, отец которого разбогател на спекуляциях зерном. Но Ананий был непреклонен — губернатор не должен бравировать своим богатством, поэтому семья его жила довольно скромно.

Алешка отца боготворил и хотел не только стать таким, как он, но и превзойти его в величии и благородстве. Он с раннего детства видел, как стараниями Анания хорошеет город, как прокладывается первый водопровод, как возводится здание Драматического театра. Когда мальчику исполнилось семь, в Н-ске открылась Промышленная ярмарка, которая, по мнению губернатора, должна была повысить престиж города. И он оказался, как всегда, прав. Повысился не только престиж, но и благосостояние — улицы стали чище, открылось несколько школ и одна больница. Именно тогда, когда отец перерезал атласную ленточку на входе в Главный ярмарочный дом, Алексей понял, что хочет стать таким, как он. А может, и лучше.

Алеша прекрасно учился, усиленно занимался с репетиторами, поэтому никто не удивился, когда семнадцатилетний юноша поступил в Московский университет, на факультет международных отношений. Мама, конечно, хотела бы, чтоб сынок оставался при ней, но в Н-ске в то время не было ни одного высшего учебного заведения, так что пришлось отпустить, но

под опеку своих московских родственников. Пять лет пролетели незаметно. Леша был лучшим учеником, образцовым юношей — ни пьянок, ни гулянок. Родственники матушки уже присматривали выпускнику теплое местечко в министерстве и хорошую жену, как вдруг Алешка влюбился. Случилось это неожиданно для него самого, что уж говорить об опекунах, которые не знали, как оправдаться перед Барышниковыми, после того как подробности романа стали известны и им.

Избранницей студента оказалась цыганка Замира — ни красотой, ни молодостью не блиставшая, к тому же вдова при двух детях. Лицо у нее было грубое, чересчур смуглое, единственное, что красило его, так это черные горящие глаза. Именно за них он и полюбил Замиру, да еще за стать — когда она танцевала, изгибаясь своим гуттаперчевым телом, и ее черные волосы струились по узкой спине, не было женщины прекраснее. Цыганка к своему ухажеру привязалась. То, что раньше она делала за деньги, теперь дарила парню бесплатно. Но внакладе, конечно, не оставалась. Влюбленный спускал на нее все карманные деньги да еще экономил на книгах.

До поры о романе никто не знал: успеваемость Алексея не падала, а его частые отлучки объяснялись просто — повзрослел. Но когда все открылось, причем случайно (декан университета встретил студента на улице в обнимку со смуглянкой), вся семья спешно начала искать способ, как спасти юношу.

Алексей же тем временем наслаждался любовью. Он привязался не только к Замире, но и к ее деткам, которые остались сиротами после того, как их отца задрал взбесившийся ни с того ни с сего медведь-плясун. Юноша не думал уже ни о карьере, ни о престиже, он мечтал только о том, как уедет в имение, оставленное ему в наследство дедом, и заживет там с Замирой и ее детишками. Так бы, наверное, и сделал, если бы не неожиданно свалившееся предложение. Вернее,

неожиданным оно было только для Алексея, родители и родственники его тщательно спланировали и выхлопотали. Парню, только закончившему институт, выпала возможность занять место второго секретаря посольства России в Праге. Должность не так чтобы престижная, но для новичка очень неплохая, к тому же в прекрасном городе, о котором Алексей давно мечтал (знал бы он, сколько трудов стоило освободить место для него именно в Пражском посольстве).

Не без раздумий Алексей согласился. Была одна загвоздка — срочно потребовалось жениться. Но и эту трудность семья взяла на себя. В спешном порядке была найдена достойная девушка — приятная, воспитанная, образованная. Правда, происхождения небезупречного (папа всего лишь мелкопоместный дворянин), но зато, в отличие от светских вертихвосток, совершенно не капризная, а главное, по-современному честолюбивая. Брак в общепринятом смысле ее мало интересовал: дети, хозяйство, чаепития с товарками — все это было так скучно для выпускницы женской гимназии, ей хотелось быть правой рукой достойного ее мужчины, помогать ему во всем, особенно что касается карьеры. Для такой Алексей оказался находкой. Они поженились.

Прага молодожена не разочаровала. Остальное — напротив. Работа скучная, рутинная. Жена хоть и умница, но нелюбимая. Круг общения узкий. Письма, написанные для Замиры, пылятся в сундуке — возлюбленная не умеет читать. И Настя никак не может забеременеть.

Тянулись годы. Он стал послом, правда, не в Чехии, а в Польше. Жена по-прежнему не могла родить, а Замира не забывалась. Заграница надоела, потянуло в родные места, особенно в Н-ск. Захотелось обустроиться в родном городе, выстроить наконец дом, о котором мечтал. Так благодаря хандре он вернулся в Россию.

Алексей занял пост в министерстве внутренних дел, арендовал особняк, жену отправил на лечение в Кисловодск. Жизнь должна была наладиться. Но случилось несчастье. Папа, мама и юная Мими по пути из N-ска в Петербург попали в катастрофу. Вагон, принадлежащий губернатору, сошел с рельсов. Погибли все.

Алексей почернел от горя. Он не спал, не ел, корил себя за то, что пригласил родных к себе в гости: если бы не это приглашение, они были бы живы. Спас его указ императора, назначающий Барышникова Алексея Ананьевича новым губернатором N-ска.

...Город встретил ласково. Как же, как же, сын самого Анания. Продолжит дело папеньки, возродит захиревшую из-за экономического кризиса ярмарку, отстроит сгоревшую больницу, наведет порядок на окраинах. Алексей с энтузиазмом взялся за дела. Наконец-то появилась возможность доказать всем, в том числе себе, что достоин, что не хуже, что и сам ого-го!

Возможность представилась через год. При пожаре сгорело здание театра, построенного из дерева еще при папеньке. Помещение необходимо было искать срочно (долг перед отцом, да и сам понимал, что театр городу нужен), но такое, чтобы не хуже прежнего да чтоб на хорошем месте. И придумал Алексей передать родительский особняк в дар городу. И жест красивый, и от дома избавится под благовидным предлогом. Себе он выстроил дворец на самом крутом берегу Волги. Шикарный, в стиле барокко, со статуями, балкончиками, колоннами и прочими архитектурными изысками, не оставляющими свободным ни одного участка стены.

Город дар принял. Взаимная любовь продолжалась. В скором времени Анастасия забеременела. Неизвестно, лечение послужило причиной или счастливая мужнина звезда, но губернаторша оказалась на сносях.

Алексей пребывал в эйфории шесть месяцев, пока беременность не закончилась выкидышем. Но и в столь трудный период город не оставил своего любимца — жители N-ска признали Барышникова человеком года, а губернские дворяне провозгласили почетным председателем. Алексей не остался в долгу: на личные деньги построил школу для детей из низших слоев, а под дворянское собрание выделил часть губернаторских апартаментов в кремле.

Прошло еще пять лет. Алексей Ананьевич горожанам нравился, но положения отца еще не достиг, так и остался «молодым Барышниковым», будто тень Анания витала вместе с утренней дымкой над городом. В столице Алексея ценили больше — денег на нужды губернии не кланчил, доклады посылал исправно, народ держал в узде. Хотя насчет последнего ошибались пресильно. Рабочего люда в городе было полным-полно, а условий для нормального проживания никаких, больниц всего четыре (на две сотни пациентов!), ночлежки две, школ шесть, зато пивных около ста. Вот и взбрыкивал иногда народец, но не слишком активно, так что доклады губернатор строчил смело: так, мол, и так, все спокойно, тихо, все довольны. А когда с проверкой прибыл столичный министр и, проехав в коляске по свежоотделанной главной улице, походив по новым павильонам ярмарки, не увидел ничего, кроме процветания, зауважали в Петербурге Алексея Ананьевича еще больше.

В 1888 году Анастасия забеременела вновь и в этот раз разродилась здоровенькой девочкой, сама, правда, прожила после всего несколько часов. Первые роды в таком возрасте, плюс не очень хорошее здоровье — а в результате еще одна могила на кладбище. Так Алексей остался один с ребенком на руках.

Он и не ожидал тогда, что полюбит девчушку так сильно. Но эту золотоволосую куклу нельзя было не полюбить. Ею восхищались все: и прислуга в доме,

и друзья Алексея, и коллеги, и император, который проездом оказался в N-ске и отобедал в гостях у губернатора. Арина, несмотря на то что не знала ни в чем отказа, росла милой и ласковой, ни капризов, ни истерик, сплошное очарование. И вот теперь его девочке десять, а он не знает, что ждет его впереди.

Проблемы начались еще в 80-х, вместе с очередным кризисом. Первыми пострадали мануфактуры — резко упал спрос, пришлось уволить многих, сократить производство. Испугавшись трудностей, Алексей продал предприятия. И без них проживут. Через несколько лет пришло известие, что прииски истощились, а на разработку новых нужны немалые деньги, которых, оказалось, осталось не так и много. Миллионы на благотворительность, миллионы на роскошества, один дом во сколько встал, а банкеты, а наряды, а рулетка, к которой Алексей питал слабость. Пришлось продать часть недвижимости, чтобы субсидировать новые разработки на Урале, но деньги проваливались как в бездонную бочку — золотоносная жила так и не была найдена.

Алексей запаниковал. Надо было что-то делать, а что, он не знал — мир бизнеса для него, что темный лес. Очень кстати подвернулась возможность подзаработать: на реке стояло восемьдесят деревянных амбаров, хранились в которых миллионы пудов соли. По весне вода поднималась, подходила к складам, а иногда попадала внутрь и размывала соль. На этом городские чиновники (с разрешения губернатора) решили сделать деньги. Сотни пудов были тайно распроданы, в отчетности же указали — смыто водой. Прибыль поделили, оказалось, что Алексею не так много и досталось, но пришла следующая весна, и история повторилась. Скандал разразился в этом году, когда в реку было смыто двадцать амбаров, оказавшихся пустыми. Была назначена ревизия, выявившая нехватку миллиона пудов соли, началось следствие. Алексею удалось

остаться в стороне, пострадали только мелкие чиновники, но слухок по городу пошел нелестный.

Отголоски «соляного» скандала докатились и до столицы. И тут оказалось, что в N-ске не так все гладко, как докладывал губернатор: и народец шевелится, и кружки тайные организуются, и газетка появилась либеральная, а самое главное, в город уже не раз наезжал небезызвестный Ульянов-Ленин для проведения работы с местными марксистами, которых быть в N-ске просто не должно, если верить отчетам Барышникова.

Алесей доживал в роли губернатора последние деньки, он это понимал, поэтому так боялся заглядывать в будущее. Деньги какие-никакие еще имеются. Проживут. Леса обширные можно продать, несколько домов осталось, хотя не самых лучших, да и надежда на то, что золото найдется, не покидала. В городе, опять же, его уважают, Алесей планировал баллотироваться в Думу или в земское собрание и рассчитывал на успех. Как-нибудь выкрутятся. Только бы доченька ни о чем не догадалась — она должна гордиться своим отцом, как он своим.

Глава 3

Тем временем автомобиль остановился у здания театра. Народ прибывал в основном на тройках, мало кто себе мог позволить машину, а кто мог — купцы-миллионеры, — те были слишком консервативны для столь современного транспорта. Барышниковы поднялись на высокое крыльцо, вошли внутрь. Разделись. Алексей, очутившись в знакомом холле, испытал странную грусть. Где его молодость, надежды, мечты? Так много времени прошло, умирать скоро, а будто не жил еще.

— Папочка, это дедушкин дом? — Арина озиралась с любопытством, в театре она оказалась впервые.

— Да, милая. Пойдем, сейчас начнется. — Они прошли в ложу, сели. Отец раскланивался со знакомыми, Арина наблюдала с высоты за дамами, запоминала манеру держаться: сегодня ей предстоит показать всем, что она настоящая леди.

Свет потух. Зазвучала музыка. Представление началось.

Алексей наблюдал за дочкой со смешанным чувством удовольствия и тревоги. С одной стороны, он обожал своего ребенка до такой степени, что позволил в этом году наперекор императорскому указу устроить уличное представление в пост только потому, что Арина попросила, но с другой... Скоро она станет взрослой, и ее придется выдать замуж, да не за принца, о котором она мечтает, а за того, кто согласится ее взять со столь скудным приданым. Конечно, остается надежда, что за десять лет их благосостояние повысится, но если нет, то придется довольствоваться обычным богатеем с плебейским происхождением.

...Арина зачарованно следила за спектаклем, провояжая глазами каждый прыжок балерины, а Алексей любовался ее точеным носиком, щечками, длинными ресницами и успокаивал себя тем, что девочка вырастет настоящей красавицей и благодаря этому да безупречному происхождению найдет себе достойного супруга. Он огляделся (представление его не привлекало, а музыку можно было слушать, не отвлекаясь на неуклюже прыгающих провинциальных танцоров) и вспомнил своего отца и то, как тот любил театр.

Преклонение перед искусством было их семейной чертой. Еще дед Алексея держал свою крепостную трушу, которая славилась на весь N-ск. Отец пошел дальше — построил красивое деревянное здание, напоминающее терем, и нарек его «Ананьевским театром». Представления давались в нем три раза в неделю и имели успех, так как иного театра в городе не было. Ананий свое детище любил, но злые языки по-

говаривали, что еще больше он любил актеров. Особенно одну — приму, красавицу Софью Синькову, которая, опять же если верить слухам, на ухаживания своего хозяина не реагировала, не помогали ни угрозы, ни подарки, ни посулы — девушка оставалась неприступной. Ананий, привыкший добиваться своего, прибег к последнему — пообещал вольную. Софья сдалась. После того как самолюбие натешилось и плоть присмирела, Барышников сдержал слово, отпустил гордячку на все четыре стороны. Не прошло и месяца, как крепостное право отменили. Ананий, естественно, о предстоящих переменах знал загодя, поэтому всю игру и затеял. А так ни за что бы из рук не выпустил свою собственность. Но все это были только разговоры, как же дело обстояло на самом деле, никто не знал, даже Алексей.

Спектакль закончился. Арина под впечатлением выходила из зала молча. Отец тоже, но в эти минуты грустные мысли его покинули, отогнанные радостными — о предстоящем веселье.

Бал начался в семь вечера, но гости только еще прибывали, хотя было уже без четверти восемь. Арину переодели, припудрили немного щеки, в уши вдели фамильные серьги, и она, взяв отца под руку, по-взрослому степенно стояла внизу, здоровалась с опоздавшими, мило им улыбалась и сгорала от гордости за себя. Впервые она будет присутствовать на настоящем, а не воображаемом балу и вальсировать под музыку Штрауса с кавалером — своим папочкой, он ей это обещал.

Казалось, что весь город приехал к ним в гости. Мужчины во фраках, дамы в шикарных туалетах — им не было конца. Но к восьми поток гостей иссяк, и хозяева дома присоединились к остальным. Зазвучал любимый Ариной вальс, папа поклонился, протянул руку и повел дочь в середину зала, к самой елке, вокруг которой они и начали кружиться под музыку.

— Папочка, — Арина была счастлива, но вопрос, мучивший ее давно, не давал спокойно танцевать, — а почему ты не женился еще раз?

— Что? — Алексей озадаченно посмотрел на дочь и даже сбился с ритма.

— Я надеюсь, не из-за меня. Если хочешь, можешь жениться. Ты столько для меня сделал, даже спектакль этот, я же знаю, ты попросил директора театра показать именно эту постановку, и в Великий пост представление велел устроить на набережной, хоть его величество и запретил, и если ты кого-нибудь любишь, то не стесняйся, приводи ее к нам.

— Кто тебе сказал про представление?

— Я знаю, не маленькая. Тебе за это ничего не будет?

— Нет, конечно. — Про себя же подумал, что терять ему, кроме губернаторского кресла, давно нечего, а с ним и так расстаться придется.

— Ну, так что насчет женитьбы? — не унималась Арина, она решила выяснить все сегодня же.

— Доченька, видишь ли, я — однолюб, а так как моя избранница умерла, то и жениться не на ком.

— Ты так любил мамочку?

— Да, милая. — Взгляд его стал грустным. Алексей унесся на много лет назад и вспомнил гибкую черноглазую Замиру, которую долго искал, как только приехал в Россию. Нашел он только ее последний приют на кладбище для бедняков, даже не могилу — холмик, к которому привели его ее родственники, осевшие в Москве. Его любимую затоптали сапогами пьяные полицейские, когда она украла у одного из них кошелек.

Арина смотрела на грустное лицо отца и надеялась, что когда-нибудь и она встретит человека, который полюбит ее так сильно, что даже после ее смерти не забудет о ней и не перестанет хранить ей верность.

Глава 4

Пять лет спустя

Ольга Володарская

32

Жена Синей Бороды

Лето 1905 года отличалось от предыдущих тем, что Арину не выпускали из дома без провожатых. По улицам стало опасно ходить — то здесь, то там вспыхивали стычки между рабочими и полицейскими, кое-где возводились баррикады, а из кабаков вываливались пьяные черносотенцы и с бранью бросались на прохожих, видя в каждом революционера. Город изменился до неузнаваемости. Еще недавно такой тихий и благополучно-сонный, теперь он стал полем брани.

Арина, сидя на лавке под топодем, пыталась читать. Сосредоточиться не удавалось, ее отвлекали далекие выстрелы. Она знала, что в городе сегодня началась всеобщая политическая стачка — слышала от нового губернатора барона Фрédрикса, который пришел к папе за советом. Отцы города, новый и старый, расположившись в библиотеке, за бокалом бренди обсуждали политическую ситуацию в N-ске, а Арина, спрятавшись за дверь, подслушивала. Из разговора она узнала, что на большинстве заводов прекратилась работа, остановилось движение городского транспорта, закрылись многие аптеки, типографии, трактиры. Забастовало более пятидесяти тысяч человек. Барон сетовал на то, что никто не желает работать, все хотят только бузить, а отец тихим голосом оправдывал забастовщиков и советовал не горячиться. Разговор быстро закончился. Фрédрикс ушел. Перед тем как сесть в машину, пробормотал «чертов либерал» и «правильно тебя скинули». Арина поняла, что это он о папе, и невзлюбила градоначальника на всю оставшуюся жизнь.

Выстрелы загрохотали ближе. Арина вскочила, побежала к ограде, выглянула за ворота — ничего не видно. Вернулась. Сидела она на заднем дворе, хотя перед домом был раскинут мини-парк с прекрасно

подстриженным кустарником, клумбами и маленькой беседкой. Но там она долго не выдерживала, ее взгляд постоянно падал на грустных атлантов, и сердце замирало при виде них. Такие сильные и такие беспомощные. Гораздо приятнее было, расположившись под тополями, смотреть на реку, на откос, вспоминать, как мечтала она с него скатиться в детстве.

Грохнуло совсем близко. Арина, не в силах больше терпеть, выбежала за ограду и, натягивая на бегу плащ, бросилась к Верхне-Волжской набережной: именно там, как она знала, проходил митинг. Она бежала по булыжной мостовой и думала о том, что если бы узнал папа о ее необдуманном поступке, он бы очень расстроился. Но остановить ее было некому — отец уехал по делам, мадам отсутствовала, няня дремала в своей комнате — поэтому она перебирала своими молодыми ногами очень резво и через десять минут оказалась перед главной площадью.

То, что она увидела, ее потрясло. Вся площадь и прилегающие улицы были запружены людьми. Сотни рабочих с алыми транспарантами и флагами метались по мостовой, пытались найти брешь в оцеплении, а окружившие их полицейские и черносотенцы обрушивали им на головы свои дубины и нагайки. Стоял страшный шум. Слышались крики, стоны, ржание коней, выстрелы. Демонстранты, выпуская из рук свои знамена, падали на мостовую, подставляя израненные тела под копыта полицейских лошадей. Тем, кому удавалось прорваться, дорогу преграждали казаки, стегали нагайками и теснили обратно в толпу.

Арина закричала, но голос ее потонул в общем шуме. Она бросилась вперед, надеясь помочь кому-нибудь, но ее схватили чьи-то руки, встряхнули. Арина рыдала, вырывалась, кричала, чтобы ее пустили. Ничего не помогало. Она подняла свои заплаканные глаза на державшего ее человека и замерла. Перед ней в по-

рванной на рукаве рубахе и с запачканным кровью лицом стояла ее гувернантка мадам Фурше.

— Мадам, пустите меня, я хочу помочь. Там, наверное, раненых много...

— Успокойся. Иди домой, — строго проговорила француженка и подтолкнула Арину.

— Но я не могу. Им надо помочь. Там же стреляли!

— Стреляли в воздух. — Мадам, когда сердилась, всегда говорила без акцента. — Иди. Это не твое дело.

— А вы что здесь делаете?

— Как и ты, пришла помочь. Но туда сейчас не прорвешься. Надо ждать, когда казаки натешатся. Потом будем развозить раненых.

— Я с вами.

— Тебе надо готовиться к балу. Иди.

— Неужели бал не отменят, когда такой ужас творится?

— Бал дебютанток? Ни за что. Иди.

Арина постояла немного в нерешительности, потом побрела домой, вздрагивая всякий раз, как за спиной раздавался выстрел.

Она вернулась в свою комнату. Без интереса посмотрела на свое великолепное платье, еще недавно так ее восхищавшее, и повалилась на кровать. Горе переполняло ее, поэтому она тут же уснула, как делала всегда, когда переживала.

...Бал все-таки перенесли. Последствия погрома были плачевными. Десять убитых, сотня раненых и покалеченных. Распоясавшиеся черносотенцы, намеревавшиеся продолжать побоище, на следующий день столкнулись с отрядом вооруженных рабочих. Завязалась очередная схватка. Теперь жертв было больше, солдаты применили не только дубины, но и винтовки. Город сходил с ума еще несколько дней, по истечении которых рабочие организовали дружины, которые круглосуточно патрулировали улицы, не допуская казачьего беспредела. Все более или менее

нормализовалось со временем. Жизнь вошла в привычное русло, стычки если и были, то уже не носили такого массового характера.

Арина вышла на балкон полюбоваться закатом над Волгой, а заодно подумать о жизни. Недавние события, свидетелем которых она стала, что-то изменили в ее душе. Она вдруг поняла, что мир, каким она его себе представляла — добрым, радужным, приятным, — существует только в ее воображении. На самом деле жизнь сложна, жестока и несправедлива. И она не может в ней ничего изменить!

Солнце опустилось к самой воде, разукрасив ее во все оттенки красного. Купола Рождественской церкви стали оранжевыми, а стекла домов на дальнем берегу — алыми. Арина замерла, завороченная столь дивной картиной, и не услышала, как сзади к ней подошел отец и остановился у нее за спиной.

— Красиво, правда? — знакомый голос вывел девушку из оцепенения. Она грустно улыбнулась и обернулась к отцу:

— Не вяжется эта красота с тем, что происходит сейчас в городе.

— Именно об этом я и хотел с тобой поговорить. — Лицо Алексея Ананьевича было серьезно и сосредоточенно. — Я слышал, ты бегала на площадь.

— Да.

— Зачем? Я же говорил тебе, что это опасно.

— Я знаю, но палили так громко, я думала, что за воротами, вот и выбежала.

— Деточка, никогда больше так не делай. Не женское это дело.

— Но мадам там была...

— Мадам за это поплатилась. Ее высылают из страны.

— Но она только помогала раненым.

— Она ударила полицейского, когда он хотел помешать ей вынести одного рабочего из этого пекла.

Потом ее заметили перед зданием Народного дома, где митинговали марксисты.

— Но она правильно сделала, что ударила, они звери, а не люди. Я видела, как они забивали безоружных дубинами.

— Доченька, — отец мягко взял ее лицо в свои руки, — я так же, как ты, возмущен действиями властей. Я был против, уговаривал барона быть помягче, но меня никто не слушает. Они считают меня «мягкотелым либералом» и даже винят в том, что это я все допустил, хотя сами прекрасно понимают — просто у народа кончилось терпение.

— Но ты же председатель городской Думы, неужели ты ничего не мог сделать?

— Детка, мы занимаемся только хозяйственными делами. Мы бессильны.

— И ты не можешь сделать так, чтобы мадам осталась?

— Это тем более. Тебе придется с ней попроситься. Завтра она уезжает.

— Но я не хочу!

— Ты уже большая. Мадам научила тебя всему, чему требовалось. Вы и так бы скоро расстались.

— Но мы могли бы видеться, переписываться.

— Понимаю, но ничего не поделаешь. Завтра вы должны расстаться.

— Тогда я не пойду на бал! — Арина топнула ногой, чего никогда себе не позволяла даже в детстве.

— Как?

— Я протестую против произвола властей. Вот пойду к барону и скажу все, что о нем думаю, вместо того чтобы болтать о всякой ерунде с глупыми барышнями.

— А как же прекрасное платье, что я выписал для тебя из столицы? — Отец решил отвлечь Арину, уж очень она разошлась.

— Пусть висит. Не поеду!

— Поедешь.

— Нет.

Тут отец удивил. Лицо его стало строгим, застывшим. Голос, всегда ласковый, погрубел. После он сказал то, чего Арина никогда не ожидала от него услышать:

— Дочь, послушай, что я тебе скажу. И не обижайся. Ты знаешь, что для меня ты самый дорогой человек на свете, и я никогда бы не сделал тебе ничего дурного.

— Папочка, о чем ты говоришь, конечно, я...

— Не перебивай. Я делал для тебя эти шестнадцать лет все, о чем бы ты ни попросила. И продолжал бы делать, если бы не трудности.

— Я думала, что наши трудности давно позади. — Арина растерялась — она знала, что у них были финансовые проблемы когда-то, но не сомневалась, что они кончились, ведь жили они так же пышно.

— Они только начинаются, потому что продавать больше нечего. Все дома, прииски, магазины, даже леса теперь не наши. Остался только этот дом и имение, которое я ни за что не продам. Нам не на что скоро будет жить.

— Но ты же заседаешь в Думе, у тебя жалованье...

— Моего месячного жалованья хватит только на то, чтобы оплатить твоё выходное платье.

— Мы не будем больше покупать мне платьев и балов устраивать. Будем жить скромно. — Арина несколько не огорчилась неприятным известием, она просто не понимала, как круто оно может изменить её жизнь. Ей даже нравился этот разговор — папа беседует с ней как со взрослой.

— Ты опять не дослушала. Когда ты только родилась, я надеялся выдать тебя замуж за самого достойного юношу нашего города. За князя Галицкого или сына нашего теперешнего губернатора. И любой из них посчитал бы за честь стать твоим мужем. Но времена изменились. Теперь мы не богаты, у нас остался только титул, а им титулы ни к чему, у них свои есть.

— Я не понимаю, папочка. Если ты боишься, что меня не возьмут замуж, то зря переживаешь, я не очень и рвусь.

— И опять ты ошиблась. Я хочу не просто найти тебе мужа, это с твоей красотой и родословной не проблема, я хочу, чтобы он помог нам избавиться от наших проблем. Понимаешь?

— Нет.

— Я все эти годы поддерживал у людей представление о нашем богатстве и могуществе. Я давал балы, покупал тебе лучшие наряды, чтобы никто не догадался, что мы нищие. Я справился. Люди, конечно, судачат, что мы уже не столь богаты, как раньше, но они не догадываются, что мы на грани банкротства. Сейчас твоя очередь вступать в игру. Теперь от твоего очарования, умения себя подать зависит наше будущее. — Алексей обнял дочь, взгляд его смягчился. — Деточка, ты же не допустишь, чтобы папочка на старости лет пошел побираться?

— Папа, — Арина заплакала, — я сделаю все, что нужно. Я пойду на бал, найду самого лучшего мужа, только не грусти.

— Детка, моя умная детка, пока ты еще слишком молода для замужества, но через пару лет будет уже пора, и начать подыскивать партию надо уже сейчас. Мы найдем тебе самого лучшего, самого красивого и богатого, я обещаю. — Он поцеловал дочь в макушку и вышел, довольный собой.

Алексей проследовал в свой кабинет, сел за стол, просмотрел кое-какие бумаги. Потом, отодвинув их, задумался, тупо глядя в одну точку. Хорошее настроение, с которым он покинул комнату дочери, улетучилось. Из головы не шли навалившиеся со всех сторон проблемы. Мало ему денежных затруднений, тут еще сердце начало пошаливать. Да и немудрено с такими-то нервотрепками. Одно его только радовало в последнее время — то, что он уже не губернатор. Кто бы мог